

4 Панов М В О переводах на русский язык баллады «Джаббервокки» Л.Кэррола // Развитие современного русского языка, 1972 - М , 1975

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЗООМЕТАФОР-ИНВЕКТИВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.С. Маслов,

аспирант кафедры русского языка и методики преподавания
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г Белгород, Россия

В статье рассматриваются семантические и стилистические особенности зоометафор-инвектив в русском языке на материале данных, полученных в ходе лингвистических экспериментов, и анализа дефиниций в словарях

Ключевые слова: инвектива, зоометафора, оценочная лексика, экспрессия

The article deals with the semantic and stylistic features of zoological metaphor-invectives in the Russian language as an example of data obtained during the linguistic experiments and the analysis of linguistic definitions in dictionaries

Key words: invective, zoometaphor, expression

Зоометафоры-инвективы – одна из лексико-семантических групп зоометафорической лексики, которая включает языковые единицы зоонимного происхождения с инвективным значением. Под инвективами мы вслед за другими лингвистами понимаем словоформы и выражения, заключающие в семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте интенцию (намерение) говорящего или пишущего как можно в более резкой и циничной форме унижить, оскорбить, опозорить адресата речи или третье лицо.

Зоометафоры-инвективы так же, как и другие виды зоометафор, могут быть классифицированы по тематическому основанию. В группу «наименование лиц с подчеркнuto отрицательными характеристиками» (выделяемую В.М. Мокиенко) мы включили зоометафорические единицы, обозначающие

а) ‘глупого, непонятливого человека’ *баран боров, гусь, долбодятел, дятел, индюк, ишак, коза, козел, еж, пингвин, жираф, конь (фанерный, педальный), телятина (телятник), корова, кошкодав, курица, человек с куриными мозгами, овца, макака, осел, утка и др ,*

б) ‘подлого, низкого человека’: *гад (ползучий), гаденыш, гадюка, гнида, жабеныш, крыса, курвопадла, уж, сука, сучара, черепадла, шакал и пр ,*

в) ‘ничтожного человека, ничтожество’ *амеба, вошь, гад, гнида, глист, ма давошка, мышь, шавка и пр ,*

г) ‘женщину, занимающуюся проституцией; продажную женщину’. *бабочка (ночная бабочка) кошара (кошка облезлая), курва, лебледь (лебл дь), ма давошка, сука (сука подзаборная) и пр*

Остановимся подробнее на лексемах, входящих в состав этих групп.

Внутри первой группы можно выделить гендерные (*баран – овца, коза – козел*) и возрастные пары (*телятина (телятник) – корова*); а также одиночные наименования лиц женского (*курица, макака, утка*) и мужского пола (*боров, гусь, долбодятел, дятел, индюк, ишак, конь (фанерный, педальный), кошкодав, кролик, осел, пингвин, попугай*). Преобладание среди наименований существительных мужского рода говорит о том, что уровень интеллектуального развития как одна из характеристик человеческих способностей в представлении носителя русской языковой картины мира наиболее значим именно в отношении представителей сильной половины человечества.

Особое внимание стоит обратить на сложное существительное *долбодятел*. Семантика метафоры мотивирована значением глагола, номинирующего действие, производимое дятлом (птицей): *долбить* – ‘пробивать отверстие, делать углубление в чём-либо путём последовательных частых ударов’. Переносное значение у этого глагола в словаре снабжено пометой «просторечное»: ‘беспрестанно напоминать о чём-либо, повторяя одно и то же; твердить’. Следовательно, значение сложного существительного складывается из совокупного значения производящих основ: ‘повторять одно и то же действие’ (*долбить*) + ‘низкий интеллектуальный уровень’ (*дятел*). *Долбодятел* – ‘человек с низким интеллектуальным уровнем, который надоел окружающим’ (*задолбал* – сленг) по причине того, что он повторяет одни и те же действия.

Как видим, все представленные зоометафоры дают оценку интеллектуальным способностям человека и номинируют одно и то же понятие, соответственно, данные лексемы находятся в парадигматических отношениях синонимии. Компонентный анализ лексем позволяет выделить отдельные группы, которые актуализируют семы ‘недоумение’ (*еж, пингвин*), ‘непонимание’ (*жираф, конь (фанерный, педальный), человек с куриными мозгами, утка*), ‘глупость’ (*гусь, индюк, корова, курица, макака, телятина (телятник)*) и ‘тупость’ (*баран, боров, дятел, долбодятел, ишак, коза, козел, кошкодав, овца, осел*)

Во второй лексико-семантической группе нашли отражение представления о подлости как низком, негативно воспринимаемом качестве в русской языковой картине мира. В эту группу попали слова с негативной оценкой, многие из которых (*гад, гадюка, гнида, крыса, сука, сучара*) имеют широкую валентность и часто выступают в роли распространённых ругательств.

Принадлежность корреляционной группы – *гаденьиш-гад-гадюка* – к этой ЛСГ обусловлено представлением о гадости как о чём-то крайне неприятном, вредном, подлом и т.п. Пейоративные образования *курвопадла* и *черепадла* – результаты процесса сложения: *курва+падла; черепах+падла* (с гаплогогией); что доказывает продуктивность «бранного» словообразования в русском языке. Потенциальная мотивация при сложении основ в случае образования зоометафор от бранной лексемы *падла* обусловлена стремлением к усилению экспрессии,

наложению дифференциальных сем. Стоит заметить, что слово *курва* первоначально обозначало «курицу», а уже позднее – «потаскуху»; лексема *падла* – на синхронном срезе языка – обозначает подлого, отвратительного человека, а их вовлечение в процесс словопроизводства посредством сложения основ, соответственно, приводит к актуализации сем ‘человек’, ‘подлый’, ‘отвратительный’, ‘потаскун’, чем и объясняется отрицательное экспрессивное воздействие данных именованных на коммуниканта. Аналогично слияние основ *черепаха* (с усечением) и *падла* генерирует производное, которое обладает следующим набором дифференцирующих сем: ‘человек’, ‘медлительный’, ‘нерасторопный’, ‘подлый’, ‘отвратительный’, что также усиливает эмоциональное воздействие при его употреблении в речи. Словообразовательный интерес представляют также лексемы *гаденыш* и *жабеныш*, которые образованы при помощи малопродуктивного суффикса *-еныш*, имеющего значение ‘детёныш какого-либо животного’, и лексема *сучара*, где суффикс *-ар-* выполняет функцию носителя семы усиления основного признака.

Общая особенность лексем из группы ‘ничтожный человек, ничтожество’ заключается в том, что практически во всех лексемах можно выделить семы ‘маленький’, ‘ничтожный’. Преобладающие типы животных – паразиты (*вошь*, *гнида*, *глист*, *ма...давошка*), грызуны (*мышь*) и простейшие (*амеба*).

В четвёртую группу включены номинации с общим значением ‘женщина, занимающаяся проституцией; продажная женщина’. Представление о проституции как о крайне негативном явлении прочно вошло в русскую культуру. Рассмотрим, к примеру, эвфемистическую лексему *лебедь* (*лебл...дь*). Её образование мотивировано звуковым сходством с лексемой *лебедь* (оцениваемой обычно положительно), а производные представляют собой своеобразный синтез наименования животного и соответствующего нецензурного слова: *лебедь*, *лебл...дь*, *лебл...дюжник* (‘женское общежитие’) и т.п. С одной стороны, это явный намёк на ругательство, с другой стороны, это возможное переосмысление средневекового представления о лебедь как олицетворении лицемерной души и обманчивого нрава, поскольку его прекрасное белое оперение скрывает чёрное мясо; таким образом, его облик противоречит его внутренней сущности. Поэтому наряду с функционированием данной зоометафоры с преобладающим положительным значением и положительной оценкой (символ нежности, чистой любви и пр.) наблюдаем и звуковую трансформацию с ярко выраженной отрицательной коннотацией, которая функционирует как одно из наименований продажной женщины.

Функционирование лексемы *бабочка* (*ночная бабочка*) в том же значении обусловлено системой значений этой зоометафоры. Зоометафора *кошара* не так давно вошла в активное употребление в речевой дискурс, но уже зафиксирована в словаре молодёжного сленга как производная зоометафоры *кошка*: *кошара* – 1) женщина, девушка, обычно лёгкого поведения, 2) что-либо плохое, нежелательное; что тоже может быть объяснено важной ролью, которая отводится в русской культуре образу кошки

и соответствующей оценке, которая может быть дана благодаря этому символическому образу.

Использование лексемы *ма давошка* в соответствующем значении обусловлено тем, что продажные женщины часто являются переносчиками болезней, передаваемых половым путём, а *ма давошка* – это лобковая вошь, чем и мотивировано метафорическое значение (возбудитель болезни > его переносчик).

Исследование семантического поля лексем *проститутка* (*продажная женщина*) позволяет сделать вывод, что зоометафоры занимают одну из ведущих позиций в составе поля. Так, М.А. Фирсова, рассматривая категорию слов с агрессивной семантикой в современном поле ненормативной лексики (в частности, наименования женщины лёгкого поведения), включает в отдельную группу номинации, семантическим ядром которых являются названия животных: *бабочка, кобра, курочка, ласточка, лебедь, хорек*. Различия на семном уровне между лексемами можно определить только при помощи специализированных словарей и данных ассоциативных экспериментов. Таким образом, например, можно узнать, что *хорек* – мелкая, дешёвая, начинающая проститутка, а лексема *лебедь* номинирует молодую проститутку.

Зоометафорическую лексику отличает многоаспектный подход к изучению. Так, многие зоометафоры являются стилистически маркированными. В частности, к уголовно-маргинальной лексике можно отнести лексемы *петух* (о милиционере), *соловей* (о милиционере), *сука* (об агенте милиции, начальнике уголовного розыска, милиционере, воре, отошедшем от уголовного мира – жаргон) и др., а к «армейским» зоометафорам – *фазан* (солдат весеннего призыва), *муравей* (солдат осеннего призыва), *ворона* (о солдате первой половины второго года службы во внутренних войсках); *шакал* (об офицере, прапорщике) и др. Стилистическая маркированность отражается в соответствующих пометах в толковых словарях. Чаще других, по нашим наблюдениям, используются пометы: *бранное, жаргонное, грубо просторечное, разговорно-сниженное*. Подобные пометы говорят о том, что данные лексемы имеют ограниченную сферу употребления и запрещены при деловом общении: *амеба* (о безвольном, бесхарактерном человеке (разг.)), *баран* (о глупом, упрямом человеке (разг.-сниж.)), *бегемот* (о крупном, полном, неуклюжем человеке (разг.-сниж.)), *кобель* (похотливый мужчина, сластолюбец (разг.-сниж.)), *дятел* (о человеке, который без конца повторяет одно и то же (бран)) и т.д. Особо стоит отметить помету «ироничные обращения», которая также указывает на экспрессию номинаций. Подобную помету содержат словоформы *анчоус, верблюды, выхухоль* (*похухоль* – с обценным намёком), *гиббон, голубь* (*сизый голубь, сизокрылый голубь*), *дятел, какаду, киса, креветка, муха* и др.

Многие лингвисты, в том числе В.И. Мишляков и В.А. Салимовский, отмечают общую тенденцию, согласно которой в настоящее время разные словари при одних и тех же словах дают разные стилистические пометы, что позволяет участникам судебного разбирательства опротестовывать те или

иные выводы, имеющиеся в заключении лингвистов-экспертов. Причина разночтений в отношении зоометафор, на наш взгляд, заключается в том, что большинство зоометафорических единиц относятся к словоформам, обладающим большим экспрессивным потенциалом, который с течением времени претерпевает изменения. Подобный динамизм семантической структуры и словообразовательная продуктивность зоометафорических единиц и приводят к разночтениям, а порой даже к отсутствию в словарях «тонко дифференцированных словарных помет», что, в свою очередь, нередко вызывает затруднения при квалификации того или иного языкового факта с юридической точки зрения.

В перспективе для решения этой задачи мы планируем ввести понятие «индекса инвективности», который будет отражать в числовом виде степень инвективности номинируемого признака. Это позволит с достаточной степенью уверенности квалифицировать ту или иную лексему как инвективную номинацию. Основанием для подобной характеристики станут данные соответствующих словарей и результаты лингвистических экспериментов.

Литература

1. Мокиенко, В.М. Из сокровищницы русской речи (народные устойчивые сравнения с названиями животных) / В.М. Мокиенко // Мир русского слова, 2001. – № 4. – С. 40-46.

2. Мокиенко, В.М. Русская бранная лексика. Доступ по <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>

3. Мишланов, В.А., Салимовский В.А., Оценка как объект юрислингвистических интерпретаций [Электронный ресурс] //Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/mishlanov_v_a_salimovskij_v_a_ocenka_kak_obekt_jurisljngvisticheskikh_interpretacij/5-1-0-130

4. Фирсова, М.А. Категория слов с агрессивной семантикой в современном поле ненормативной лексики// Русское слово в контексте этнокультуры X-XXI вв. – Старый Оскол, 2012. – С. 269-273

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОЛОРАТИВОВ В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСЕМЫ СЕРЫЙ)

Ю.В. Маслова,

аспирант кафедры русского языка и методики преподавания
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород, Россия

*Главная тема данной статьи – колоративы в рок-поэзии. В статье
дается описание семантики серого цвета, его символической насыщенности,*